

НАША

СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

SEMANARIO

“NUESTRO PAÍS”

Órgano Monárquico Russo

Correos
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Pro-
piedad Intelect. No. 329150

TARIFA REDUCIDA
Concesión № 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 3 de noviembre de 1951

• Буэнос Айрес, суббота, 3-го ноября 1951 г.

No. 94

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

БИОГРАФИЯ СТЕПКИ

Особо просвещенные читатели, вероятно, уже и сами догадались, что автором “Степки” является, как это принято писать в хорошо воспитанных органах хорошо воспитанной печати, “пишущий эти строки”. Самый лестный отзыв, полученный вот этим “пишущим эти строки” от вот этих просвещенных читателей средактирован так:

“Спасибо за Степку, — хороший паршивец...”

Практика жизни установила тот факт, что из всех материалов, печатающихся в “Нашей Стране”, Степка читается в первую очередь. И только на днях полк. Зубакин, новый эмигрант (Сан Паоло) оденивая текущий момент, квалифицирует его так: “Люди постепенно начинают бросать читать Степку и прислушиваться”. Письмо полк. Зубакина, впрочем, будет приведено в газете. Не знаю, начинают ли бросать. В той полуиндийской деревушке, в которую меня закинула судьба, есть и русские люди. Почта приходит по средам. По средам русские люди приходят и спрашивают: “Что, Степка еще не пришел?” Впрочем, одна из этих русских, д-р Е. А. Флегинская, — новая эмигрантка и монархистка до мозга костей, навела меня на некоторые новые мысли о Степке, мысли, которыми и вызвана данная “биография”.

***

“Две силы” начали появляться на свет Божий несколько необычным в истории литературы образом: в 1941 году я был выслан немцами из Берлина в Померанию, в препаршивый городишко Темгельбург, и мне было запрещено: заниматься политикой, вести переписку, выезжать куда бы то ни было и встречаться с какими бы то ни было русскими. Но так как я от бабушки ушел, от дедушки ушел и от Сталина сбежал, то из всех этих запретов не выпал решительно ничего. Некоторые меры предосторожности были впрочем принятые. К их числу относится и Степка.

Года за два до этого, д-р Брофюрер, директор Эссенского издательства, предложил мне бросить политику и перейти на чистую литературу, при условии виллы на Рейне и аванса в пятьдесят тысяч. Тысячи у меня были и без д-ра Брофюра и меня интересовала не вилла на Рейне, а дача на Оке. С лачей на Оке впрочем пока что тоже ничего не вышло. В те же времена — 1938—1940 г. г. — нас, сына и меня, охраняли специально приставленные гестаписты — фамилию одного из них я называть не буду. Фамилия другого встречается в Германии очень редко — герр Миллер. Оба — русские немцы, или,

по крайней мере, оба в совершенстве говорили по русски. Охрану, впрочем, вели какие то низовые чины, а оба герра предпочитали коньяк. За этим коньяком герр Миллер рассказывал нам венцы, от которых тошило. Одна из них: как герр Миллер заподозрил одну семью в еврейском происхождении. Он вцепился в нее мертввой хваткой. Что-то через год этой мертввой хватки дело кончилось тем, что семья — мать, две дочери и сын, — заперлись у себя в кухне и отравились газом. Герр Миллер считал это большим достижением. Мой сын придерживался иного мнения. Это иное мнение обошлось мне в тысячу марок.

В Темпельбурге я сидел и писал “Диктатуру импотентов”. Оба герра от времени до времени наезжали ко мне из Берлина: “Ну, как вы поживаете и что вы делаете?” Стук пишущей машинки нельзя было скрыть даже от местной полиции. “Диктатуру импотентов” нельзя было показывать никому из немцев. Для оправдания вот этого стука и был начат Степка: “Вот, видите, политику я бросил и занимаюсь чистой беллетристикой”. Оба герра были очень довольны и обещали устроить Степку в гемецкую печать, — как то не успели.

Говоря короче и откровеннее, Степка был задуман, как совершенно откровенная халтура и когда мы с сыном начинали в Буэнос Айресе “Нашу Страну”, а ни материалов, ни со-трудников не было еще никаких, Юрий Иванович предложил начать печатанием Степку. — готовой рукописи было номеров на десять. Я счел это предложение комичным. Возникла неожиданная дискуссия, в результате которой литературная жизнь Степки была Юрием Ивановичем спасена.

Оказывается, не совсем напрасно. Госпожа Е. Флегинская, утверждая, что Степка имеет большее пропагандистское значение, чем все мои предыдущие, попрекнула меня в том, что Степка печатается через час по столовой ложке. Я ответил, что для Степки в меня не хватает ни времени ни мозгов, лишь умываки для каждого помеша, а внешняя обстановка для работы — такая, что если и быта хуже, так только в концлагере. Госпожа Флегинская сказала, что я не прав и повторила, что Степка имеет большее пропагандистское значение, чем все мои предыдущие вместе взятые. Может быть. Но о пропагандистском значении я совсем не думал. Роман напечатан специально и для мало-мальски серьезной публики нал ним в меня и в самом деле времени нет. Однако он все равно лает глотину настоящей России советских времен.

Некоторые из читателей ставили мне в упрек “сгущение красок”. Данные “критические заметки” имеют, главным образом, такую цель: по мере возможности доказать, что никакого сгущения нет. Так, в свое время мадам, она же товарищ Кускова упрекала в том же “сгущении” “России в концлагере”. Теперь старушка дошла до предельного бесстыдства и пишет уже о пользе концлагерей. И русская печать это не чатает!

Так вот, о сгущении. Дело в том, что вдуманных персонажей в “Двух Силах” нет. Это все живые люди, совершенно независимо от того, удалось мне или не удалось сделать художественно живыми людьми. Так что даже и Еремей Павлович с его чудовищной мускулатурой есть реальный, живой тип. Постараюсь доказать.

Я как то писал, что в свое время, лет этак тридцать пять тому назад я был в числе первого десятка физически сильнейших людей России, — очень много из этого сохранилось и до сих пор. О моих атлетических достижениях писал как-то г. Алексеев в тогдашнем “Возрождении”. Фактические данные: второе место в России по поднятию тяжестей (Рига, 1914), мировой рекорд по выжиманию одной рукой, правила, не засчитанный официально, полуторачасовая борьба со Збышко-Цыганевичем в ножку, около семи пулов веса и стометровка в 12 секунд. Ни одним видом спорта, кроме футбола, я никогда не занимался всерьез. В футбол играл фанатично и скверно. Некоторые мои достижения в футбольной области объяснялись просто тем, что решительно никому не было никакой охоты становиться с семипуловой глыбой, мотающейся со скоростью восьми метров в секунду. Однако, и тут были “достижения”: я как-то сыграл три матча подряд: был пентом по-лучашити во второй команде шипингента. Пришел до начала встречи трехъярусной команды. В нашей третьей кто-то не пришел, я сыграл за него. Потом играл сам за себя во второй команде. Потом не оказалось пентра по-лучашити в первой команде: так мог я отказаться от столь претендентного предложенного? Я сыграл и третий матч. И — ничего.

Все это я пишу не для похвальбы: это все явно пропагандистское и пропагандистское. Тумано, что из всех, так сказать, олимпийских атлетов России, спортивную меру брал только И. Потрубинята и того “на руку” я кстати как-то готовил. Это борьба, при которой пропагандисты купают ложи на сто и становятся пропагандистами. На эту тему в тоже Темпельбурге произошел занятный скандал.

По, кроме олимпийского атлетического мира, был еще и неофици-

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
БИОГРАФИЯ СТЕПКИ

Алексей Алымов
“ФРАНЦУЗИК ИЗ БОРДО”

Владимир Рудинский
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В
РОССИИ
(Окончание)

Николай Кремнев
ГОГОЛЬ В РИМЕ
(Быль и фантазия)
(Продолжение)

Б. Башилов
О СОЦИАЛЬНОМ УТОПИЗМЕ И
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

CARACTERISTICA DE LOS
CAMPOS de CONCENTRACION
EN LA UNION SOVIETICA
DEL LADO SOCIAL Y
ECONOMICO

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

альный — о нем я и писал в “России в концлагере”. В этом неофициальном мире были десятки и людей, несравненно сильнее меня. О них никто не знал. Вот был у меня приятель детства Митька Михайлов, впоследствии — полковник Д. Михайлов, представитель “Голоса России” в Тянь-Тзине, одно время председатель там нашего кружка и начальник местного “Сокола”. Тянь-тзинская эмиграция знает его уже не в лучшей его форме: в свое время это был такой маленький стальной мотор, какого я больше не встречал. “На руку” он меня клал, как хотел. Реально, без фокусов, ломал медные копейки, чего не может сделать, кажется, никто больше в мире (рассказы о пятачках и рублях — это легенды). Если бы Митька родился в САСИП, он на своих мускулах сделал бы миллионы. На мозгах — ничего. Свою карьеру он закончил так: после всей своей Тянь-тзинской деятельности взял советский паспорт и уехал в СССР. Впрочем, дураков там обычно не трогают.

На Волге и на Кубани, на Памире и на Украине я встречал десятки и десятки людей, которых я мог оценить профессионально. Эти люди были сильнее меня во всех отношениях. Но в старой России спорта вообще не было, а в Советской — эти люди всегда являются в итоге эмиграции.

..У каждого барона есть своя фантазия. И у каждого мыслящего чело-

века складывается своя теория. Одна из моих теорий сводится к тому, что физически сильные люди биологически контролируют революционны. Эту теорию я кое-как развивал в "Диктатуре импотентов". Эти люди в "динамо" не пойдут ни за какие пайки. Как Светловы не пойдут в партию или за партией ни за какие коврижки.

Словом, — Еремей Павлович есть человек взятый из жизни. О таких людях я уже писал: Акульшин в "России в концлагере" и "Касьянов" в "В деревне". Валерий Михайлович Светлов есть тоже тип, взятый из жизни.

Николай Февр ("Солнце всходит на Западе") обещал в своем втором томе рассказать кое что о "внутренней эмиграции", очень жаль, что он этого не успел сделать. Но, судя по намекам первого тома, Н. Февр понимает под внутренней эмиграцией не совсем то, что понимаю я: повидимому, для Н. Февра внутренняя эмиграция означает просто глубоко скрытый внутренний протест против коммунизма. Для меня внутренняя эмиграция означает значительно большее: это не только скрытый внутренний протест, — это также и накопление сил для борьбы.

Типическая точка зрения этой внутренней эмиграции сводится к тому, что надо ждать толчка и что в данных условиях борьба приведет только к бесполезным жертвам. Повидимому, Советско-Германскую войну эта эмиграция не рассматривала, как толчок. В новой эмиграции я людей этого типа еще не встречал. Но Советско-Германскую войну в качестве толчка не рассматривал и я. Вероятно, именно поэтому, люди светловского типа сделали по существу то же, что сделал и я: сидели и ждали. Трагическая практика жизни показала, что никакого толчка из всей гитлеровской затеи не получилось.

Люди светловского типа, это почти исключительно представители "чистой науки": физики, химии, геологии, ботаники, зоологии и прочего в таком же стиле. Они гнездятся в заповедниках, в лабораториях, научно-исследовательских экспедициях и прочих местах в таком же стиле, — в местах мало доступных чекистским взорам. Это люди первого сорта:

Гвозди бы делать из этих людей, — Крепче бы не было в мире гвоздей.

Сколько их? Я лично встречал десятка полтора-два. Теоретически можно предположить, что их несколько сот. И около каждого из них — группа единомышленников, помощников, спутников, товарищей. Это оченъ многое. И это именно те люди, которые в России возьмут "всю власть".

Люди светловского, как и еремеевского, типа — это сплошные монархисты, однако, не совсем в эмигрантском понимании этого слова. Они хотят сильной монархии. Для того, чтобы монархия была сильной, около нее должны стоять сильные люди, — независимые и неподчиненные — не холопы, а правящий слой. Высококультурный, вполне модернизированный, непосредствен и связанный с массой и выражают ее волю. Они часто говорят о выборной монархии, или, еще грубее, о монархии, которую поставят они. Так сказать, наполеоновские маршилы, не нашедшие своего Наполеона.

О положении Династии в эмиграции эти люди, как общее правило, имели еще меньшее представление, чем имел его я. И это их мало интересовало: придет время — посмотрим.. От них — от профессора Светлова ("Две силы") или от профессора Кондратьева ("Памир") — умственной элиты России, через Еремеев, Акульшина, Касьянова — представителей физической, но также и моральной элиты, идет незримая, но крепкая связь со всей "массой", — связь не дисциплинарная, как в армии, и не административная, как в "аппарате", а чисто моральная. Очень вероятно, что последние полтора десятка лет советской власти расшатали эту связь внешне, но также вероятно, что они укрепили ее внутри. Эту связь я лично испытал десятки и десятки раз. Она, конечно, недоказуема. Но, может быть, ее можно показать.

Говоря по существу, я пытаюсь это сделать и литературно и политически. Начиная с "России в концлагере" и кончая сегодняшним днем, политическая линия нашего движения имеет ввиду вовсе не монархическую эмиграцию зарубежья, а внутреннюю эмиграцию России. Силой в будущей России будет ее сегодняшняя внутренняя эмиграция, а никак не те остатки потонувшего мира, которые называются монархистами в эмиграции. Светловы это совершенно реальные, реально существующие люди. Ни при каком усилии воображения нельзя себе представить, чтобы они вручили "всю власть" или стали бы терпеть "всю власть" в руках сегодняшних остатков старого правящего слоя. Командовать будут они. Мы можем им помочь и едва ли сможем им помешать, даже если бы и захотели бы помешать. Помочь мы можем многим. И людьми, и идеей, и литературой, и, наконец, нашим истинно мировым опытом. Восстановление или НЕвостановление Монархии Российской будет зависеть от них. Русская патриотия это Светловы и Еремеев, а не Чухновы или Солоневичи, с той только оговоркой, что Солоневичи есть все-таки часть внутренней эмиграции, попавшая в зарубежную и пытающаяся "установить связь". Связь удаётся плохо. Но кое что все-таки удается. Трудность заключается в том, что правое зарубежье и до сих пор живет в мире совершенно архаических представлений, что ему трудно — или невозможно — отдельиться от старых слов, старых навыков, старых представлений и, главное, от представления о том, что он, старый правящий слой, не встретит в России никаких новых конкурентов.

***

Когда я рисовал портрет Валерия Михайловича Светлова, обо всем этом я не думал вовсе. Как не думал и о тех "кроликах", о которых пишут М. Коряков и иже с ним. И только сейчас вопрос об этих кроликах стал как то яснее.

В "России в концлагере" я, ведь, рисовал и кроличьи души, например, профессора Костю, который побоялся принести нам на Шпалерку хотя бы одну передачу, — а это человек, вскормленный нашей семьей. Теперь этого Костю я могу расшифровать — это профессор К. Пушкаревич. И так как "Россия в концлагере" получила довольно широкое распространение в оккупированных немцами областях России, то К. Пушкаревич и писал

Л. Рубанову, нашему нынешнему представителю в Сан-Паулу, что я, да, обидел его зря. Нет, не зря. Дело, как мне кажется, заключается в том, что проповеди "кроликов с прижатыми ушами" ведут в эмиграции именно представители кроличьего типа, — бывшие литераторы всех категорий, то есть, люди, которые продавали душу. Продажа души даром все таки не обходится. Но так как именно литераторы имеют наибольший вход в литературу, то они могут в свой собственный образ изобразить в качестве русского типа вообще. Так Чехов рисовал чахоточных и Достоевский — эпилептиков.

Есть ли в Степке "сгущение красок"? По-моему — нет. Меня упрекают в том, что одна сторона вымазана в совершенно черный цвет, другая — в белый. Белый, конечно, трудно доказуем. Но черный доказуем совершенно документально. Возьмите судебные отчеты о всех этих бухаринских и прочих процессах, и вы увидите, как эти скорпионы в банке пожирали друг друга.

Это делалось в Москве. Почему этого не может быть в Неевлове? И в сотнях и тысячах других мест? Новый эмигрант г. А. Сергеев пишет в "Новом Русском Слове":

"В "России в концлагере" И. Солоневич дал замечательное определение этого явления — этой "ставки на свалочь".

Свалочь есть в каждой стране. Но только в СССР она организована, координирована, приведена, так сказать, в полный боевой порядок.

***

Думаю, что "Две силы", как и "Россия в концлагере" — точно рисуют психологические настроения в СССР. В оценке второй из этих книг новая эмиграция, кажется, единодушна вся, — во всяком случае, писала очень много лестного и ничего до сих пор не написала бранного.

"Две силы" есть две силы: добра и зла, — силы, которые в СССР выражены с предельной ясностью и отделены предельной ненавистью. В чисто литературном смысле "Россия в концлагере" написана гораздо лучше: были иные условия. Я, в частности, пишу и стихи — не хуже других. Но не помещаю. Это — в утешение тем поэтам, стихи которых тоже не помещаются в газете. Однако, лучшее, что я до сих пор в своей жизни написал, — это русские сказки. Самое уютное и самое лучшее. И когданибудь — рано или поздно — я их все таки издаю. И когда мы вернемся в Россию и будем служить России, то пусть уж Светловы будут министрами, — они сделают это лучше, чем сделаю это я. А я буду писать. Наша литература мало служила России, больше всего она служила рынку. Но потом оказалось, что без России даже и рынка нет.

***

Позвольте закончить эти несколько разбросанные мысли физкультурно-политическим анекдотом.

Итак, сижу я в Темпельбурге. О "Городе Окурове" М. Горький писал — "уездная звериная глупость", — М. Горький не бывал в Темпельбургах. Тоска смертная. По вечерам, в лучшем ресторане собирается за привилегированным столиком, в отдельном кабинете, избранное общество. Пьют "морзе": тире-точка, тире-точка, то есть, пиво-шнапс, пиво-шнапс. Разгово-

ЧТО ПРОИСХОДИТ В МИРЕ

Контр-Адмирал Тейсайре вступил в управление страной

Президент Республики ген. Перон с 31-го октября с. г. находится в отпуску и на посту Президента Аргентины его замещает Врем. Председатель Конгресса Контр-Адмирал Тейсайре.

Отпуск ген. Перона продлится до 30-го апреля 1952 года, но может быть, конечно, прерван в любой момент самим Президентом.

Генеральная Ассамблея ООН

6-го ноября с. г. в Париже начинается очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. На повестке дня — около пятидесяти вопросов. Наиболее острыми из них считаются: вопрос о приеме новых членов в ООН, о взаимоотношениях между Западом и арабским миром, контроль атомной энергии и Корейская проблема.

Испанский вопрос в Совете Безопасности

Совет Безопасности постановил отложить рассмотрение иранского вопроса до тех пор, пока Международный Суд в Гааге решит вопрос о том, подсудно ли ему дело о нефти. Это может быть не ранее декабря и есть все основания предполагать, что до тех пор Англия и Иран сумеют договориться по этому вопросу без вмешательства Совета Безопасности.

Посол САСШ при Ватикане

С назначением ген. Клерка послом САСШ при Ватикане, восстанавливаются прерванные в течение восьми-девяти лет дипломатические отношения между САСШ и Ватиканом. Этому событию придают большое политическое значение.

варивают. Если сегодня в избранном обществе нет герра Мюллера, рассказывают всякие вещи о его жене. Если завтра нет герра Майера, — рассказывают такие же вещи о его дочери: такого я не слыхивал даже и среди урок. А все "академикеры". Я пива не пью, немецкого шнапса не могу переносить — сижу единственный трезвый, а тошнит именно меня.

В этом избранном обществе появился молодой парень, чемпион бокса не то Померания, не то Восточной Пруссии. Был еще абсолютно трезв. Перевел разговор с женой и дочерью на Россию и войну. В октябре 1941 года война казалась немцам конченной, и Россия ликвидированной. Слегка поговорили и о боксе. Я сказал, что тоже был спортсменом. Чемпион не без наглости предложил померяться силами — наглость заключалась в том, что мне было пятьдесят, голова у меня и тогда была седа, на носу очки — не стоило предлагать. Занялись той же борьбой "на руку". Я положил его правую руку. Потом левую. Потом предложил: две его руки против моей одной, — собственно, тоже жульническое предложение. Две руки тоже не помогли. Война с Россией предсталла в несколько ином свете. В утешение я сказал, что, вот, когда сюда, в Темпельбург, придут русские помоложе меня то, вот, тогда...

Они пришли. Правда, не такие, какими мы хотели бы их видеть, но какими мы их всетаки увидим — не "кроличьи души", а Светловы и Еремеи.

Ив. Солоневич.

Алексей Альмов

„Французик из Бордо“

Некогда, в гостиной московского барина Фамусова, щупленький французик, „надсаживая грудь“, радовался тому, что увидел в ней „свою провинцию“.

Его радость была вполне обоснованной. Так и было. Позже французика сменил педантичный немец-профессор, потом бородатый полунемец... Эта вереница была очень длинной и очень пестрой, но объединенной одним общим признаком: для каждого из прошедших в ней Россия была только „своей провинцией“. Ею же была она и для „прогрессивных“ по тому времени, отражавших взгляды своей среды, трепетно внимавших „французику“ шести бесприданниц - княжен.

Подобное представление о России, вернее о лицевой, „передовой“ ее части также имело вполне достаточное обоснование, так как вся „прогрессивная“ и наиболее крикликая группа ее интеллигентии того и последующего периода, от Радищева и Чаадаева до Милюкова, Ленина и Сталина, смотрела на Россию лишь как на „провинцию“ Западной Европы, пригодную только для восприятия и копировки выработанных там „преверенных“ и непроверенных „образцов“. Разница между этими российскими провинциалами Европы была лишь в том, что Радищев откладывал земные поклоны перед Гельвецием, а Чаадаев стучал лбом Папе Римскому; Милюков упивал на панацею четырехчленной формулы и многопартийного либерализма, а Сталин на непогрешимость схемы „научного“ социализма и монопартийность „диктатуры пролетариата“.

Все эти „образцы“ были взяты из одного и того же магазина. Все они в равной мере были и остались „низкопоклонством перед Западом“. Шесть княжен, восклицавших: „Ах, Француз, нет лучше в мире края“ и Милюков - Ленин совершиенно равнозначны в своем мышлении рабов - копировщиков. Разница лишь в характере эпохи и масштабе действия заимствованной идеи: тогда — фасон фрака „рассудку вопреки, наперекор стихиям“, теперь — фасон политico - социальнo - экономического строя, также вопреки национальному рассудку и наперекор российским стихиям.

Реки включают в свои течения струи притоков, впадающих в них и с запада и с востока. Вряд ли возможно разграничить в русле Волги воду Оки от воды Камы. Так же сливаются в общественных течениях разнородные, подчас противоречивые элементы. Это отмечал еще Герцен в „Былом и Думах“.

Стихия течения российской (октябрьской) революции была загнана Лениным в турбину западной марксистской схемы, но это отнюдь не исключает наличие в ней, стихии, противостоящих турбине элементов, национально народных стимулов протеста против барско - интеллигентского западничества. Одним из ярких подтверждений этого был блестящий провал демократии — Керенщины, построенной при точном соблюдении всей „преверенной“, западно-европейской рецептуры. Матрос Железняк, действуя единолично и без прямых инструкций разогнал шестьсот

„народных избранников“ удостоенных этого звания на основе „проверенного“ Западом „образца“. Народ же голосовал на это безмолвием, так сказать, „воздержался“ от поддержки своих „избранников“. В дальнейшем „правительство“ и „армии“ учредиловки играли самую жалкую и смешную роль в трагедии гражданской войны. Так российский народ, щедрую и по другую стороны разделивший его черты вносил одну и ту же поправку к навязанному ему, чуждому его мышлению образцу.

Смотря трезво на окружающее, приходится признать, что кремлевское Политбюро в настоящий момент — единственный в мире политический центр, где знают, „что“ им делать и „как“ им действовать.

Перекрашивая „черных воронов“ в „белых голубов“ для внешнего обращения, Политбюро ясно учитывает, что на внутреннем идейном рынке этот товар не пойдет. Российский народ уже не даст теперь за него валюты крови, неоходимой для коммунистической агрессии. Не даст ее и под воскрешение отечественного (а не советского) патриотизма. Во второй раз этот номер не пройдет. Следовательно, нужно шагнуть дальше, раздвинуть цепь действия российской национальной эмоции, переключив ее от физической самозащиты к духовно - идейному наступлению. Базой же для этого наступления может служить только проверенное тысячелетним опытом неизменное стремление российского народа сохранить от всех посягательств свою самобытность, свою живую душу.

Игра эта очень опасна для самого Политбюро, так как она может в любой момент обратиться против него самого. Но, что поделать, надо идти на этот риск. Другого пути нет. Удача зависит от тонкости и четкости в проведении маневра, при расчете на то, что противник, как и в прошлом, проснется и проморгает момент радикального контр-удара.

Маневр требует предельной тонкости и внутри. Надо стимулировать борьбу с „низкопоклонством перед Западом“, будучи и оставаясь самим полными и абсолютными „низкопоклонниками“ перед тем же фетишем.

Удастся или нет? Выvezет ли еще раз крикав?

Удача зависит прежде всего от того, сможет ли противник, сумеет ли он, во время сорвать с „низкопоклонного“ марксистского Политбюро его псевдонациональный камуфляж, и тем самым направить раскованные им подлинно национальные силы, против него самого, прикинувшегося националистом, „низкопоклонника“.

Каждая борьба состоит из ударов и контр-ударов. Побеждает тот, чьи удары направлены вперед. В этой направленности — правда борьбы.

Может ли встречный удар быть направленным в ту же сторону, как и противостоящий ему?

Примитивный здравый смысл отвечает — нет.

„Французик из Бордо“, ставший пылью и Гарвардским профессором, и „знатоком России“, и американским журналистом „русского“ происхождения, утверждает — да. По его мне-

Политическая хроника

Дезертиры из советской армии.

„Нью-Йорк Таймс“ сообщает, что американские власти в Соединенных Штатах и в Европе подготавливают создание „Маленькой России“ на американской территории. Эта „Маленькая Россия“ будет районом, в котором будут поселены дезертиры из Советской армии. Авторы этого проекта полагают, что распространение сведений о создании этого района вызовет значительное увеличение числа дезертиров. Расходы на эту цель будут неизмеримы по сравнению с тем, что Соединенные Штаты тратят на свою оборону. Для дезертиров будут созданы возможности заработка, профессиональные школы и свободный университет. Изолированность района от остальной территории Соединенных Штатов уменьшит, по мнению авторов проекта, опасность проникновения советских агентов в Америку под видом дезертиров. После соответствующей проверки, дезертирам из Советской армии будет дана возможность покинуть осоюз, предоставляемый им район, и поселиться на территории Америки на равных права-

вах с другими иммигрантами. В виде исключения из американских законов, не допускающих иммиграции бывших членов коммунистической партии в Америку, американским властям будет дана возможность допустить на территорию Штатов и советских дезертиров, принадлежащих к этой партии, но на первых порах число таких дезертиров-коммунистов будет ограничено 100 лицами и убежище в Соединенных Штатах будет, в первую очередь, предоставляться дезертирам из Советской армии, не принадлежащими к коммунистической партии.

„Восточная Европа“ вместо „свободной России“.

Согласно сообщению „Нью-Йорк Таймс“, председатель Фонда Восточной Европы Джордж Ф. Кеннан сообщил представителям американской прессы, что названный Фонд ассигновал 200.000 долларов находящимся в Соединенных Штатах организациям, оказывающим помощь беженцам из стран, находящихся под советским владычеством. Значительная часть указанной суммы ассигнована организациям, сотрудничающим с ИРО и с американскими властями по организации переселения беженцев в Соединенные Штаты, часть средств предоставлены организациям молодежи и эмигрантским периодическим изданиям (которые в сообщении не названы).

„Нью-Йорк Таймс“ отмечает, что Фонд Восточной Европы не является новой организацией, а возник из переименования Фонда Свободной России, председателем которого состоял тот же Джорд Кеннан.

Фонд Восточной Европы ставит себе задачей „распространение в Америке знаний о Советском Союзе и оказание помощи находящимся в Соединенных Штатах эмигрантам всех советских национальностей“.

Американскоe и эмигрантское общественное мнение узнало впервые из сообщения „Нью-Йорк Таймс“ о том, что Фонд Свободной России перестал существовать и превратился в новый Фонд Восточной Европы.

Роспуск „заграничной делегации Р.С.Д.Р.П.“

Между немногочисленными эмигрантами, принадлежащими к Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) возникли настолько резкие разногласия по вопросу об отношении к попыткам создания Совета Освобождения Народов России, что существовавшая в Нью-Йорке т.н. заграничная делегация Р.С.Д.Р.П. объявила себя распущенной и прекратила свое существование.

„Социалистический Вестник“ продолжает резко критиковать солидаристов за их позицию во время второй мировой войны, но выражает надежду, что в Н.Т.С. произойдут перемены, которые сделают сотрудничество между меньшевиками и солидаристами возможным. Против этой позиции „Социалистического Вестника“ выступают Далин, Аронсон и др., которые считают всякое сотрудничество меньшевиков с солидаристами и властями невозможным.

Шолемика между меньшевиками раскрывает новые подробности решения о недопущении русских монархистов к какой-либо политической деятельности, принятого в 1950 году организаторами совещаний в Фюссене и Штуттгарте.

Николай Кремнев

ГОГОЛЬ В РИМЕ

(БЫЛЬ И ФАНТАЗИЯ)

(Продолжение).

Он вздрогнул, сделав над собой усилие, открыл глаза, и все еще находясь под жутким впечатлением страшного видения, вновь стал смотреть на простирающийся перед ним этот необыкновенный город. Воин там, левее от Ватикана, — холм Дениколо, с которого тоже можно любоваться Римом, но уже с противоположной стороны: ныне стоит там конная статуя Гарибальди, либерала, карбонария и масона, одного из организаторов уничтожения светской власти пап над римлянами, когда "итальянцы взяли Рим" и присоединили папскую область к вновь образованному итальянскому королевству. В виде своеобразного протеста, не желая признавать совершившееся объединение, целое поколение пап, добровольно заточившись, превратилось в "Ватиканских узников"... И по сей день поднятая бронзовая рука Гарибальди с постоянным вызовом простирается в сторону собора Св. Петра San Pietro in Vaticano (Сан Пьетро ин Ватикано). ... Еще левее — грандиозная усыпальница императора Адриана, ныне замок Св. Ангела Castel Sant'Angelo (Кастель Сант Анджело), сыгравший немалую роль в жизни средневекового Рима. А далее виднеется крыша древне-римского Пантеона, замечательно сохранившегося памятника латинского зодчества, круглого храма, посвященного "всем богам" древности, который современные римляне по-своему называют Ротондой, и где ныне похоронены Рафаэль Санти и король Виктор Эмануил Объединитель. А там, среди моря крыш,

высится колonna, воздвигнутая в память побед императора Марка Аврелия над германцами, барельефы с изображением которых змеевидно обвивают колонну сверху до низу; на месте же повержнутого изваяния императора возвышается, по распоряжению пап поставленная, статуя апостола Павла. Потом опять компактные массы домов и крыш среди которых выделяются купола и колокольни церквей, палаццо римской знати, правительственные здания и холмы Рима: Капитолийский с городской ратушей; Квиринальский с дворцом пап, правителей теократической Римской области, а впоследствии резиденция итальянских королей; Палатинский по склонам которого Ромул, основывая вечный город, обозначил бороздой сохи площадь первого периметра "квадратного Рима" и откуда чудесно развернулась потом величественная Римская Империя, объединив в своих границах весь в те времена известный мир. А уж совсем внизу, где простирались когда-то сады энатных римлян, обитателей Пинчо, и проходила вия Фламиния, впоследствии, в папские времена, названная Корсо, на весьма ограниченных просторах умудрялись тогда устраивать конные бега (корсо — бег), расположена выше Piazza del Popolo (Пьяцца дель Пополо), народная площадь, исключительная по своей архитектурной планировке, в правой стороне которой и находилось, по преданию, место погребения Нерона, зловещего и безумного римского императора, залившего Рим кровью и пламенем пожара... В течение многих столетий вокруг могилы тирана водилась, гово-

рят, всякая нечистая сила, избравшая своим местопребыванием росший там многовековой кедр, пока, во очищении от скверны, он не был срублен, наконец, венерально, в присутствии самого папы, а на его месте не была заложена церковь Санта Мария дель Пополо; в позднейшее время она стала излюбленным детищем семьи Борджиа, превратившей ее в подлинную сокровищницу бесценных произведений художников и скульпторов, прославленных на вечные времена.

Еще долго задумчиво оглядывал Гоголь каменный пейзаж вечного города, посматривая украдкой в ту сторону плющади, где, может быть, и теперь все еще витают духи Нерона и Борджиа, а в его мозгу уже вырисовывались другие картины, столь далекие, но и такие близкие: он представлял себе, как

"... Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город... сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым по мнению городских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой как поле улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живности". (Мертвые души).

И уже вместе, рука об руку, Николай Васильевич и Чичиков

... дошли, наконец, до площади, где находились присутственные места — большой трехэтажный дом, весь белый, как мел, вероятно, для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей. Прочие здания на площади не отвечали огромностью каменному дому. Это были: караульная будка, у которой

стоял солдат с ружьем, две-три извозчика биржи и, наконец, длинные заборы, с известными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углем и мелом. Более не находилось ничего на сей уединенной или, как у нас выражаются, красивой площади". (Мертвые Души).

Но не только печально захолустные картины российских провинциальных городов рисовались в уме Николая Васильевича. Хоть и жил он в столице мира, благоговел перед ней и постоянно восхищался ею, но русская национальная гордость никогда не переставала говорить в нем: не забыл он и нашу северную красавицу, когда, по рассказу почтмейстера выписанного губернского города, отставной капитан Копейкин

"... очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире! Вдруг перед ним свет, относительно сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехеразада, понимаете, эта-кая. Вдруг какой-нибудь эта-кой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми, или там эта-кая какая-нибудь Литейная; там шпиц эта-кой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эта-ком, можете представить себе, без всякого, то есть прикосновения; словом, Семирамида, судыры, да и полно!" (Мертвые Души).

Проводя зиму в Риме, где бывает иногда, правда, довольно свежо, хотя снег и показывается едва ли не раз в жизни одного поколения, а весна почти что и не ощущается, поскольку природа и не думает даже прекращать чуть-ли не на шесть месяцев вялеское проявление жизни, Гоголь вспомнил в это теплое весеннее утро сурковую зиму в Петербурге, не пре-

Глеб Томилин

ДВЕ СИЛЫ

Роман

— Ну, знаете, Еремей Павлович, силенка у вас, действительно, есть, — медведя вы ломать не пробовали?

Еремей Павлович, склонивая свои мокрые вещи на пол, сказал:

— У мужика, Валерий Михайлович, самое главное — голова. Сила и у медведя есть. Только в нем пудов двенадцать, а во мне, дай Бог, чтобы восемь набралось. Да еще и зубы и когти... Уж если против медведя, так лучше головой, а не руками.

— А вы пробовали?

— Пробовал. Больше не буду. Был у меня штуцер, хороший штуцер. Двухствольный. У манзы выменял. Бог уж знает, как он к нему попал. Должно быть — очень дорогой, а манзе он к чему? Пошел на медведя. А патроны — советские — две осечки. А? Раз — осечка! Два — осечка! А зверь на меня... Ну, тут опять же — без головы не обойтись. Нужно зверя или сзади схватить или спереди — да так, чтобы ему под подбородок или под передние лапы. Ну, схватил. Еле жив выбрался. Это еще ничего — а вот, как Федя-то мой псу хвост откусил...

Федя хихикнул и скрылся в баню. — А с медведем-то — как? — спросил Валерий Михайлович.

— Да, вот так, — не очень охотно

ответил Еремей Павлович: — я как то сбоку и сзади его перехватил. Ну, кости поломал. Да и меня помяло — еле жив выкрутился. Тринадцать пудов было в звере. А одни когти чего стоят... Айда париться...

Федя уже сидел на полке и наслаждался.

Он был, так сказать, смягченной копией своего отца — с перспективами стать впоследствии его значительно улучшенным изданием. Еремей Павлович, вооружившись ряжкой и веником, сразу полез на самую верхнюю полку. Валерий Михайлович, будучи человеком, вообще говоря, весьма патриотически настроенным, никогда не мог поднять своего патротизма до самой верхней полки.

Усевшись под самым потолком, Еремей Павлович обратился к Феде:

— А ты, все таки, расскажи, как ты это псу хвост откусил...

Федя, сидя на той же полке, залился детским смехом. Окруженный клубами пара, он был похож на юного Зевса, восседающего в облаках Олимпа... Только вместо пучка молний, в руке у него был березовый веник.

— Вот это так история! — Федя снова засмеялся смехом: — Пошел я это на охоту — за тетерями, и песик со мною, Жучком прозывается,

вот завтра сами увидите, ну, двухстволка дробовая. Идем это мы по тайге и вдруг Жучок то — залаял, залаял, да и ко мне. Смотрю, — а там тигр, — забегают сюда из Уссурийского края. Шагов так сорок. А у меня дробь. Куда тут деться? Деревья — так больше кустарник, а на сопку не залезешь — толстые они у нас. Смотрю — впереди, шагов с десяток, — дубок. А Жучка-то куда? Тигры собак любят, самое им разлюбезное дело пса съесть. Ну — времени мало. Я Жучка за шиворот, да зубами за хвост и прямо к дубку. А тигр — на нас. Как сиганет! А я это уже на ветке. Дубок гнетется. Стою на ветке, одной рукой за другую ветку, а в другой руке двухстволка, в зубах, значит, Жучок. А тигр все прыгает. Я ему, значит, дробью — прямо в морду. Жучок как рванется, я зубы стиснул — смотрю, Жучок уже в кусты шмыгнул, а хвост у меня в зубах остался, — вот завтра посмотрите.. Без хвоста Жучок бегает, — Федя снова засмеялся смехом.

— Ну, а тигр? — спросил Валерий Михайлович.

— Тигр? Ну, тигр — ничего. У меня в мешке пулевые патроны были, — тигр — ничего...

— Потом продал китайцам, леденцов детворе накупил... — пояснил Еремей Павлович.

Валерий Михайлович снова посмотрел на Федю — снизу вверх. Тот, видимо, был страшно доволен историей с собачьим хвостом — тигр интересовал его гораздо меньше. Вале-

рий Михайлович, по складу своего математического ума, стал подсчитывать. Сорок шагов. Из них десять на встречу — до дубка. Остается двадцать. Это значит, что в распоряжении Феди было секунды две-три. Это значит, что в течение двух-трех секунд Федя успел оценить обстановку, найти самый разумный выход из нее, спасти Жучка и спасти самому. Валерий Михайлович припомнил некоторые детали их совместного путешествия, в том числе и прыжок Еремея к выходу из пещеры, когда ветер сорвал полотнище налата, и в математическом уме Валерия Михайловича стал складываться план, который показался ему совершенно фантастическим. Но разве не фантастическим был побег Еремея Павловича из дома номер тринацать? Нужно будет подумать.

ВСТРЕЧА.

Когда все трое вернулись из бани в избу, отец Паисий уже закончил свою медицинскую деятельность.

— Ну и мучили же этого человека, — сказал он. — До чего прости Господи, озворели люди. Истинно не ведают, что творят.

— Ну, эти то ведают, — прогудел Еремей Павлович. — Тоже, подумашь, дети! Очень даже прекрасно ведают, такую организацию развели.. Арканы из проволоки? А?

— А как он? — спросил Валерий Михайлович.

— Вероятно спит. Очень сильное

рывающую, однако, течение русской жизни, когда

“... Трецит по улицам сердитый тридцатиградусный мороз; взвизгивает исчадие севера, ведьма-вьюга, заметая троттуары, слеп я глаза, пуря меховые воротники, усы людей и морды мохнатых скотов, но приветливо, и сквозь летающие перекрестно охлопья, светит вверху окошко где-нибудь и в четвертом этаже: в уютной комнатке, при скромных стеариновых свечках, под шумок самовара, ведется согревающий и сердце и душу разговор, читается светлая страница вдохновенного русского поэта, какими наградил Бог свою Россию, и так возвышенно - пылко трепещет молодое сердце юноши, как не ворится и под полуденным небом”.

(Мертвые Души).

Полуденное солнце уже довольно высоко стояло над базиликой св. Петра, — шел уже двенадцатый час: Гоголь привычным взглядом определил это по тени бросаемой внизу на площади три тысячи четырехсотлетним египетским обелиском, “родившимся” в те незапамятные времена, когда, по преданию, Моисей среди грома и молний принимал от Иеговы на горе Синае десять заповедей Ветхого Завета. По зигзагообразной монументальной лестнице, прикрываемой мистами как-бы сводами ветвями окаймляющими ее деревьев, Николай Васильевич спустился на Пьяцца дель Пополо и, не задерживаясь на ней, завернул налево на via del Babuino (вия дель Бабуино), на “Обезьянью улицу”, так прозванную остроумными римлянами из за украшающей ее статуи силенса, имеющей, очевидно, такое обидное для сего мифологического персонажа сходство...

После тишины и безлюдия Пинчо, Гоголь погрузился вдруг в брызгущий жизнью людской муравейник это-

го многонационального центра Рима, где, в лабиринте мелких, переплетающихся между собой узеньких улиц, где имеющих даже троттуаров, окаймленных многоэтажными каменными домами, с настежь открытыми окнами, бьет ключем творческих деловой пульс общепризнанных жрецов искусства, беспречной артистической богемы и подсобного им множества мелких ремесленников с их чадами и домочадцами, в совершенно невероятном сочетании аккордов самых разнообразных звуков... Из здания консерватории Св. Цецилии и из частных студий профессоров пения раздаются, на все мужские и женские голоса, вокализы учеников, арии Страделла, Доницетти, Беллени и Россини, звуки рояля, виолончели, скрипки и еще Бог знает каких инструментов. Им вторят своими руладами какая-нибудь молоденькая Розита, весело убирающая свою квартиру; или ремесленник одной из многочисленных мастерских, обслуживающих разнонациональных обитателей разбросанных здесь студий художников или скульпторов, выстругивающая, пиля, сколачивая мольберты, станки для лепки, подрамники, чиня старинную мебель, создавая новую в подражание классическим образцам, крича, распевая песни и оперные арии, перекидываясь словами с соседом напротив, в серой испачканной гипсом блузе, отливающим по принесенным еще сырым глиняным произведениям искусства, статуи и бюсты.

Высившись из окна, смуглая и черноволосая красавица с профилем древне-римской матроны, зычным голосом грозно кричит на своего сына, зашалившегося у фонтана с другими мальчиками и изрядно уже промокшего. А в окне напротив какая-нибудь расторопная Аняциата, перекликаясь с соседками, развесливает на ветровках разноцветное белье для просушки и всем напоказ. Еще дальше

желто-синий попугай, прикованный за лапку к своей жердочке, норовит свистнуть в тон поющим, щелкает зернами кукурузы, лущит семечки, злобно швыряясь шелухой, и почти что человеческим голосом отвещивает иногда бесподобные римские ругательства. Уличный разносчик во всю глотку выкрикивает свой товар, а из соседней остерии (кабачка) доносятся громкие отголоски споров, то ли о политике, но, вероятнее всего, на тему о популярной римской лоттерее, этого весьма значительного явления народной жизни. Тут-же стоит тележка с бочками вина, а виржинский вине осел, подняв вверх морду, испускает свои уже никак не гармоничные звуки. Проходит католический священник в черной рясе, всерьез, яблы углубленный в чтение какого-то требника, не пропуская, однако, бегающими своими глазками ничего, что творится на улице и, по возможности, даже в домах. Прямо на камнях сидят маленькая полуоголая девочка, какая-нибудь будущая красавица Пепина, ревет благим матом и растирает кулачками грязь на своей рожице. Под самым ухом гудит шарманка, а тут же, среди запаха свежего конского навоза, конюха-извозчики чистят и холят не очень рысистых своих коней, смазывают свои коляски, в ожидании выгодной экскурсии с богатыми иностранными синьорами, перекликаются со своими женами и возлюбленными, висящими где-нибудь в окне четвертого этажа.

Специальным туристическим шагом прогуливаются иностранные путешественники, уклоняясь от осаждающих их попрошайек или предлагающих им свои услуги всевозможных чичероне; с любопытством останавливаются у антикварных магазинчиков, куда настойчиво зазывают их торговцы, уоваривая на какой-то курьезной импровизации своего рода эсперанто,

купить по дешевке самые, конечно, подлинные античные предметы искусства, или просто воспоминания о Риме в виде алебастровых или оловянных Колизеев, статуэток святых, колонн, волчиц, кормящих Ромула и Рема, соборов или триумфальных арок...

В многочисленных продовольственных лавочках выставлены, наряду с обыкновенными, всякие “заморские” овощи и фрукты; в кадках с водой отмокает сущеная треска; развешены напоказ и для украшения, сплетенные, как женские косы, гирлянды чеснока, пучки лавровых веток и еще каких-то неведомых трав, издающих сильный пряный запах... Но тут, совершенно, можно сказать внезапно, а в то же время и властно, завладев его мыслями, снова стал мерещиться Николаю Васильевичу далекий русский город, в улицах которого на лавках

“попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игрошки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими в воздухе антраша. Под всем этим было написано: “И вот заведение”. Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованной толстую рыбью и воткнутую в нее вилкою. Чаще всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: “Питетный дом”. (Мертвые Души).

нервное истощение, я думаю. А так как будто опасного ничего.

— Ну и пусть спит, — радостно сказал Еремей Павлович, — отоспится — поправится. Воздух у нас такой, что мертвцы выздоравливают...

— А ты, Еремей Павлович, не кощунствуй.

— Да я и не кощунствую... Леса то тут какие... Ветер как пойдет с гор... Помирать не надо.. Мы тут его откорим, как следует.

Валерий Михайлович только сейчас обратил свое внимание на стоявший посередине комнаты стол. На него была навалена такая масса всякой снеди, которая по прилизительной опенке Валерия Михайловича, могла бы хватить на целую роту после сорокаверстного перехода. Дарья Андреевна, в сослужении с Дуней, все еще что то таскали из огромной русской печи: какие то пироги, шаньги, что то жареное, что то вареное, и все это сваливалось на стол. Надо всем этим высыпались несколько бутылок. Валерий Михайлович начинал чувствовать прилив аппетита.

— После бани, — гудел Еремей Павлович, — выпить и закусить — первое дело. Баня для тела — как исповедь для души.

— Пожалуйста, пожалуйста, что уж Бог послал. Рассаживайтесь, как кому угоднее.

Дарья Андреевна, вытирая передником руки, низко кланялась. Потапыч стоял у стола, с вожделением взирая на еду и еще с большим — на питье. С момента прибытия на заем-

ку вид у Потапыча был вечно неуверенный и неприкаянный. Ему не нравилось наличие отца Пансия с его молитвами и вероятный контроль над потреблением водки и — еще более неопределенное будущее в связи со Светловым, Берманом и всякими такими вещами. Нет, в Лыскове было все таки лучше: начальство было далеко, Кооп был близко и в Коопе была водка бесплатная и в практически неограниченном количестве. По этому всему — пока отец Пансий читал молитву, Потапыч стоял таким чурбаном, — не выражая на своем лице никакой насмешки, но не выражая и никакого сочувствия.

— Да ты уж не теми, Еремушка, — сказала Дарья Андреевна, когда все расселись, — скажи, так как же это тебя Бог спас?

— Ты уж, старуха, подожди, дай людям выпить, — видишь, голодные все.

Валерий Михайлович только сейчас сообразил, что, в сущности, он весь день ничего не ел, что день был наполнен чрезвычайно острыми переживаниями, что переживания — в особенности острые, — вызывают такой же острый аппетит, — что, в общем, он, действительно, голоден, как волк. Валерий Михайлович произвел зрителную рекогносировку стола. Посередине его стояло нечто вроде глиняного корыта, наполненного жареными дикими утками. Никакая закуска Валерия Михайловича в данный момент не интересовала. Он выбрал утку покрупнее и пожирнее и

сам поймал себя на мысли о том, как бы не остаться без второй. Потапыч стложил в сторону свой нейтралитет и с чрезвычайной предупредительностью стал разливать водку, маневрируя так, чтобы против его собственного прибора оказался бы сосуд наибольшей емкости. Маневры прошли удачно: Потапыч оказался обладателем глиняной кружки, емкостью по меньше ймере в поллитра. Еремей Павлович вооружился барабаньей ногой, а отец Пансий наблюдал это истинно языческое прирештво с истинно православной снисходительностью...

— Валерий Михайлович, а, Валерий Михайлович, вы бы бруснички подложили!

Валерий Михайлович оторвался от утки. Только сейчас он заметил Дарью Андреевну. На вид ей можно было бы дать и тридцать лет и пятьдесят. Есть тип женщины, который как то не стареет, ибо его очарование не в красоте лица. Дарья Андреевна имела совершенно счастливый вид: вся ее семья была, наконец, в сборе, был еще и ученый человек — Валерий Михайлович, о котором Дуня уже успела прожужжать все уши, был Потапыч, который, наконец, на этой зажимке может быть, утомленится, — Дарья Андреевна понимала с трудом, как это Дуня ухитрилась влюбиться и выйти замуж за такое бревно, — был и ужиц которого, действительно, стыдиться было нечего. Материнские и кормильческие инстинкты Дарьи Андреевны были вполне удовлетворе-

ны. Горы мяса, птицы, рыбы, грибов, солений, огурцов и прочего в этом роде, таяли с магической быстротой. Дальнейших происшествий Дарья Андреевна еще не предчувствовала.

— Вот это, — спасибо, Дарья Андреевна, — сказал Валерий Михайлович, смотря на нее почему то веселым и радостным взором, — брусничка к утке — это есть вещь.

— И грибки тут... А утки — так в печке новые дожариваются.

— Дарья Андреевна, голубушка, вы уж не все сразу, — а то ведь разорваться можно — как бомба.

— Да где же, Господи, разорваться, весь день были вы в тайге, да еще и страхи какие! Возьмите грибков, а вот тут яблоки моченые...

— Возьму, Дарья Андреевна, ей Богу, возьму, вот только с уткой справлюсь...

(Продолжение следует)

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА “НАШЕЙ СТРАНЫ”

Аргентина — 1.50 песо; САСШ — 25 ам. цент.; Канада — 25 кан. цент.; Бразилия — 4 круз.; Венецуэла — 0.75 бол.; Уругвай — 30 ур. сент.; Парагвай — 1.30 гуарани; Чили — 8 чил. песо; Англия — 1 шилл.; Франция — 50 фр.; Бельгия — 8 бельг. фр.; Швейцария — 75 сант.; Германия — 75 пфен.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 3 п.

В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов.

Объявления о розысках — 1 долл.

Владимир Рудинский

Национальный вопрос в России

(Окончание)

Все финские племена России почти целиком исповедуют православие, равно как и тюркское племя чувашей. французский лингвист Альбер Доза считает, что в пределах Европейской России на финно-угорских языках говорит более двух с половиною миллионов человек. К ним нужно прибавить живущих в Сибири ногулов (около 5.000) и остыков (около 18 тысяч). В формирование великорусского племени несомненно кроме славянского элемента вошел в очень большой мере и финский, вследствие ассимиляции племен, населявших центральную и северную Россию. Многие из нас, не задумываясь об этом, имеют в жилах финскую кровь.

Из тюркских племен в Европейской России татар (казанских и крымских) в общей сложности более 3 миллионов, чувашей больше миллиона и башкир менее полумиллиона.

В каком виде можно представить себе мордовское или черемисское независимое государство, территория которого целиком окружена русским населением? Подобное государство, имеющее менее миллиона жителей, вряд ли могло бы быть прочным. Создать федерацию из нескольких племен? Это потребовало бы включения в новое государство больших территорий с чисто русским населением. Но если уж вопрос идет о федерации, почему эти племена не могут жить в одной федерации с русскими в пределах нашего общего государства? Все то, что можно дать в смысле автономии, им дано и сейчас — и может быть сохранено после исчезновения большевизма.

Все то же самое относится и к тюркским племенам, как чуваши, казанские татары, башкиры. Поскольку они волей судьбы брошены в русское море, нет пути, нет физической возможности отделить их судьбу от судьбы русского народа. Можно лишь постараться жить вместе дружно. И в этом смысле нам, русским, не в чем себя особенно упрекнуть. И на будущее время, мы полагаем, нет нужды ни в каких принудительных мерах русификации. Наоборот, нам нужно сделать все возможное, дабы каждое из племен, живущих в Российской Империи, могло свободно развивать свою культуру. Их достижения будут нашими, и мы ими будем гордиться как своими. Если некоторые из этих племен неизбежно должны раствориться среди русских и утратить свой язык — пусть это совершится в силу естественного процесса, безо всякого насилия с нашей стороны. Мы хотим только, чтобы все они были верноподанными Русского Царя и лояльными гражданами Империи, которая им обеспечила мирную жизнь и свободу.

Бросим теперь взгляд на Кавказ. Здесь на незначительном пространстве перемешано множество совершенно различных племен; некоторые из них резко враждебны одно другому. Нельзя создать здесь 10 различных государств. Это было бы явно невозможно и политически и экономически. Тем более, что по их географическому расположению — местожительство одной национальности часто вклинивается в таковое другой — это привело бы почти неизбежно к включению отдельных групп одной и той же

народности (как черкесы, осетины) в разные государства, к ее немалому ущербу. Создать федерацию кавказских племен? Но как объединить враждебных друг другу христиан: армян и грузин с магометанами тюрками, черкесами и осетинами? В такой Федерации, наверное, одни из племен оказались бы в положении угнетенных, а другие в положении угнетателей. Верховный арбитраж русских, независимых в местных ссорах может здесь играть только благотворную роль.

Другим местом, где живет бок о бок большое число различных народов, является Сибирь. Здесь охотят десятки племен, которые в большинстве не имеют ничего общего с точки зрения языка. Чуки, тольцы, юкагиры, тунгусы представляют союз аборигенов северной Сибири. Ни одно из этих племен не является ни в доле мере ни достаточно многочисленным, ни достаточно культурным, чтобы создать свое государство. Уссурийский край полон китайцами и кореянами, которые суть прашибльный элемент. На северо-западе Сибири мы находим финские племена остыков и ногулов, столь же отсталых в культурном отношении, как и сибирские племена. Более культурными народами являются якуты (говорящие на тюркском языке) и буряты, но ни те, ни другие не могли бы претендовать на роль создателей Сибирского государства, тем более, что вся Сибирь насыщена русскими и города носят чисто русский характер.

Теоретически более возможно было бы создание отдельного государства в Туркестане, хотя и здесь перемешан целый ряд племен тюркских (туркмены, узбеки), монгольских (киргизы) и арийских (таджики). Они по крайней мере связаны общей религией, Исламом, и здесь существовали когда-то государственные формации, и даже блестящие (Хива, Бухара).

Но и здесь мы оказались бы перед лицом той же самой проблемы: при различии языков и племен, новое государство неизбежно стало бы либо на путь национального угнетения народов, находящихся в меньшинстве, либо было бы принуждено применять принципы автономии и федерации, которые вполне возможны и в рамках Российской Империи, и могут разрешить все вопросы. Между тем, совершенно бесспорно, что в экономическом и культурном отношении отделение от России нанесло бы нашим среднеазиатским областям огромный ущерб. Политически оно поставило бы новое государство — или государства — перед угрозой войны, рано или поздно, в первую очередь с Россией, а затем и с другими странами, которые учили бы его или их слабость. О том, какие эксцессы, трагедии, конфликты произошли бы при отделении от России областей со значительным русским населением, связанным по разным линиям с местными жителями родством, дружбой, делами, страстью и подумать.

Кому нужна подобная кровавая и разрушительная авантюра? Видимо, очень мало мусульманским народам, которые борются с большевизмом, как и русские, но вовсе не против русских, как хотели бы изобразить за-

Борис Башилов

(Письмо В. Мамонтову и другим).

О социальном утопизме и социальной реальности

Милостивый Государь!

Очень рад, что некоторые мысли в моей книге "Неооычайная жизнь и приключения аристарха Орлова" нашли отзвук в другой русской душе. Вы просите указать Вам, как вступить в "Братство", поставившее себе целью счастье России и все человечество от последних безумных социальных утопий. Мне кажется вы не вполне верно понимаете, что это за "Братство". Это не есть организация с председателем, секретарем, членами, высеченными в списки, уставом подроно излагающим цели и тактику "Братства". Это "Братство" чисто духовное. Члены Братства все те русские люди (стр. 67) "...кто освободился от гипноза социальных утопий... и готов выступить на войну... с монбланами накопившихся национальных, научных политических и социальных предрассудков".

Неписанная программа Братства (стр. 68): "...необходимо наполнять души современных людей и в первую очередь, души наших братьев по крови — русских — добром и социальным реализмом".

"...Первая наша задача — всемерно множить ряды нашего Братства на родине и за рубежом. Вторая — всеми нравственно чистыми способами нести в широкие слои всех народов новую идеологию (вместо социальных утопий — социальную трезвость, постепенную перестройку общества на основе реально возможного) установить верную точку зрения на прошлое, настоящее и будущее человечества.

История давала нам примеры, что для того, чтобы восторжествовало новое мировоззрение, важны не миллионы механически исповедующих господствующую идеологию, а сила и глубина веры апостолов и последователей нового мировоззрения" (стр. 71).

"Добра, как можно больше добра! Вот в чем больше всего нуждается современное человечество..."

"...Малое, ежедневное, незаметное добро более необходимо, чем большое" (стр. 21).

"Борьба с привычным злом — вот что нужно сейчас больше всего".

Что можно добавить к этому. Что зло современного человечества состоит в вере в социальные утопии. Жизнь улучшать надо и можно, но надо знать, что идеальной жизни никогда создать не удастся. Утописты этого не знают и с упорством фанатиков громоздят миллионы трупов во имя идеальной жизни на земле. Жить станет легче, когда люди поймут, что идеальное не может быть осуществлено в жизни, но стремиться к нему нужно.

Социальный утопизм, это Молох, пожирающий миллионы человеческих жертв. Если на место большевизма придет солидаризм или какаянибудь новая социальная утопия, снова будут горы жертв и больше ничего. Все фанатики хороши, пока они не достигли власти. Когда они достигают власти, все, кто не согласны с ними, кто не верит в их утопию, приносятся в жертву партийному Молоху. Дальше нам, русским, нужно освободиться от выдумок различных партий о нашем национальном прошлом. Во-первых, понять, что мы русские — дети не европейской, а самостоятельной духовной культуры, которая не только не ниже, а в некоторых отношениях и выше гибнущей европейской. Мы пчелы, бравшие мед со всех прятков мира. Наша культура — синтез всех существовавших до нас восточных и западных культур. Это надо понять, а не считать себя европейцами вопреки нежеланию европейцев считать нас таковыми.

Затем нужно постараться увидеть в нашем национальном прошлом не только одну грязь, не только одну кровь, а историю нормальную, нормальную историю народа, на долю которого выпала чрезвычайно тяжелая

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

БРАТ — ПИСАТЕЛЬ

Иван Бунин выпустил книжку "Воспоминания", где во всю меру литературного своего таланта пытается обличить всяческой грязью всех своих братьев писателей. Помните:

"Братья Писатели!"

В нашей судьбе — что то лежит роковое".

Лежит. А иногда и бежит.

Пересказывать всю коллекцию бунинских разоблачений нет никакого смысла. Эта коллекция несколько напоминает мне рассказ эмигрантской писательницы Л. Рындино (опять нехватка в русском языке — рассказ был устным, а не в печати). Л. Рындина во время своего побега с севера на юг, как то попала в цыганский табор. В таборе оказалось, что некоторые цыганки знают всех выдающихся людей России, — от министров до поэтов. Но знают их всех только по своей профессиональной линии: в более или менее пьяном виде. Нельзя было бы утверждать, что из выдающихся людей России никто не разделял бы нашего патриотического лозунга о веселии Руси. Но все таки не одним этим характеризуются выдающиеся люди России. Бунинские воспоминания несколько напоминают эту цыганскую эрудицию. Но с некоторой поправкой на злобность: в общем — все прохвосты, кроме самого И. Бунина. Кретины, пьяницы,

предатели и прочее в этом роде. Подготовляли большевизм, продавались большевикам... Словом — гнусь.

В истории нашей российской революционной интеллигенции гнуси, что там и говорить, — было достаточно количество. Однако, трудно было бы считать А. Блока просто "кретином" (на тему о Блоке предстоит некоторая полемика в "Нашей Стране"). Но можно было бы поставить вопрос и чуть чуть иначе.

Носитель снежно белых риз, Иван Бунин, начал свою литературную карьеру в газете Владимира Ленина "Новая Жизнь". Собирался кончить ее в Госиздате Иосифа Сталина, и это как то сорвалось. В "Возрождении", тетрадь 16-ая, помещена "Маленькая поправка" г-жи Степановой-Мельгуновой, — жены редактора журнала. Она в том же журнале поместила весьма скептический отзыв о "Воспоминаниях". И. Бунин в НРС раскрыл ее псевдоним — что, вообще говоря, никак не принято в приличном обществе. По этому поводу г-жа Мельгунова сообщает:

"И. А. Бунин вел переговоры с представителями полпредства о возвращении и об издании полного собрания сочинений своих".

Я как то писал о том, что вся идеология И. Бунина точно и четко определяется высотой гонорара: *ubi denari, ibi patria*.

судьба, которому в жесточайшей борьбе против своих врагов выпали задачи перебороть необычайные трудности, но у которого в прошлом не только одна грязь, не только одна кровь, не только цари-мучители, а и цари — национальные вожди. Не только одни Салтычики, не только одни кабаки и пытки, а и много героического светлого, славные герои и среди царей и среди крестьян, и среди богатых и бедных, среди дворян и среди людей мысли. Когда мы освободимся от этого представления о нашем прошлом, навеянного революционными фанатиками, только тогда мы будем духовно готовы к построению национальной России после большевиков. Когда уйдут в прошлое глупые партийные вымыслы об отсталой невежественной России — тюрьме народов, все эти неумные партийные мифы, расчитанные на умы людей не интересующихся своим прошлым, ни разу в жизни не пытавшихся проверить насколько правдивы все эти мифы, только тогда мы обеспечим национальное будущее.

Хороших людей много и среди эмигрантов и среди живущих в России. Но нет национальной идеологии, построенной на знании фактов и цифр, характеризующих национальное прошлое, а есть только нелепые вымыслы социальных утопистов, тупых, невежественных и злых, как все фанатики. Ни монархия, ни республика в послевоенном России не возможны до тех пор, пока национальная интеллигенция, а затем народ не взглянут на свое прошлое не сквозь партийные очки социальных фанатиков, а сквозь очки трезвых людей, желающих увидеть в своем национальном прошлом правду.

Послевоенная национальная Россия должна возникнуть в душе отдельных людей, а не в новых партийных программах. Невозможно

строить национальное государство, национальную жизнь, презирая и ненавидя свое национальное прошлое, видя в нем только кучу преступлений, совершенных порочными людьми. Только нравственное возрождение нации поможет нам создать национальную Россию. А нравственное возрождение нации возможно только тогда, когда она установит духовную связь с национальным прошлым, когда она снова начнет уважать своих предков. Символом, началом этого возрождения будет сооружение послевоенными Россией памятников в честь Царской Семьи, мученически погибшей за Россию, и памятника незвестной жертве большевизма. Это будет символом того, что послевоенная Россия осознала грех предыдущих поколений, приведших страну к большевизму.

В послевоенном России может быть и республика, не обязательна монархия. Но только республика, национальная по форме, в которой будут стоять указанные выше памятники, показывающие, что вожди этой республики не партийные фанатики, не социальные утописты, а русские люди, восстановившие связь с национальным прошлым и уважающие это прошлое.

Если Вы считаете эти мысли заслуживающими внимания, если Вы считаете, что малое ежедневное добро важнее большого добра, делаемого раз в жизни, то каждый день хотя бы одному человеку расскажите о том, что здесь написано. С этого момента Вы становитесь членом Братства, борющегося за национальную Россию. Если Вы найдете людей, хотя бы несколько, готовых для этой духовной войны — это и будут новые члены Братства.

С искренним приветом
уважающий Вас

Б. Башилов.

Насчет полного собрания сочинений стоялось не удалось. Обидно. Почему это Алексею Толстому большевики заплатили, а Ивану Бунину заплатить не пожелали? Обиженный до мозга костей, Иван Бунин совсем уж собрался было, в отместку Госиздату, возглавить антикоммунистическое движение эмиграции — да и тут как то тоже не захотели платить. Если бы не склонность Госиздата, издал бы он полное "собрание сочинений", и пел бы Иван Бунин песни свои "За Родину, за Сталина". Ибо, где деньги, там и родина. Неправда ли — какое благородство характера!

И. С.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Я как-то писал: наша великая и бескровная — это для Е. Кусковой ее собственное детище. И как бы ни стврительно оно было, как бы ни было оно пропитано злобой и сифилисом, оно все-таки остается ее детищем. Но даже и я все-таки не ожидал, чтобы товарищ — она же мадам — договорилась бы до таких вещей.

"Что сделала с Россией революция? — дала ли она ей здоровый сильный класс собирателей материальной культуры? — Да. В совершенно невероятных, почти нечеловеческих условиях Россия строит... Возьмем один пример, разительный: лагери принудительных работ. Оставим пока их зверский облик, их сатанинскую растрату человеческого материала. Поставим вопрос так, как он может стоять практически и как нередко ставят его иностранцы: нужны ли такие работы именно на окраинах России, часто в вечной мерзлоте и в климатах убийственных?

Нужны (подчеркнуто Кусковой). И нужны они для того, чтобы добывать те материальные ценности, которых не так уже много в России". ("Новое Русское Слово", № 14.325).

Не будем уж говорить о том, что "невероятные, почти нечеловеческие условия" созданы именно революцией, — до революции их ведь не было. Не будем вспоминать о десятках и десятках **миллионов** людей России, умирающих медленной смертью в "климатах убийственных", при убийственном питании и в убийственных условиях, — что Кусковой до этих миллионов. У нее есть собственный плод любви несчастной. Не будем говорить и о том, что "бесстыдству тоже мера есть, — нет никакой меры. Ибо если лагери и ужны, то, конечно, нужен и режим террора и пыток, который эти лагери сооружает и поддерживает. Словом, все такие, детище — отвратное и виновное, но все-таки свое.

Эмиграция, новая эмиграция, должна помнить и запомнить многое. В том числе и Е. Кускову. Вероятно, вспомнит о ее заслугах и советская власть и даст ей что-то вроде чина "почетной чекистки": мало кто принес ей, этой власти, больше пользы заграницей, чем Е. Кускова и ее почтенный супруг проф. Прокопович. Но мы, те люди, которые в этих лагерях сидели с ами, мы этого Кусковой не забудем

и не простим.

И. С.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
"НАШУ СТРАНУ".

ПРАВДИВАЯ ПОВЕСТЬ

Издательское дело в Зарубежье почти не сдвинулось еще с мертвой точки. Причины этого лежат в материальной слабости, как самих издательств, так и покупательской способности все еще расселяющейся массы "перемещенных лиц", но, как это показывают выходящие периодические издания — не в отсутствии творческой работы в среде этой массы. В силу этого, теперь уже можно и должно говорить о наиболее крупных беллетристических произведениях, появляющихся в зарубежных русских журналах.

К числу их безусловно относится законченная печатанием в "Гранях" "Девушка из бункера" Л. Ржевского. Автор не только беллетрист, но и литературный критик, уже выступивший с рядом глубоких продуманных статей. Это дает право предъявить к нему повышенные требования, не как к дебютанту, но как к зрелому, оформленвшемуся литератору, и Л. Ржевский отвечает на них четкой конструкцией фабулы, ее "отчищенностью" от ствлечений и длиннот, ясностью характеристики персонажей. Видно, что он строг к себе, и литературная работа для него не случайность, но жизненная цель.

Но основная ценность его повести в ее правдивости и объективности. Л. Ржевский сумел подойти к своим героям без предвзятого желания окрасить их в черный или белый цвет. Это и помогло ему разрешить трудную задачу: показать современное преломление "тургеневской девушки", дать его вие условных стилизационных приемов, чего не смог сделать со своей героиней С. Максимов ("Денис Бушуев").

Л. Ржевский дал образ своей Наташи в очень простом, не осложненном драматической декоративностью рисунке и именно в силу этого смог правдиво и жизненно показать ее духовное "зерно", не нарушая внешней правдивости облика обычной комсомолки.

Фабула повести развернута им на столь близком еще нам фоне быта, оккупированной зоны России и лагерей военнопленных. В отделке деталей этого фона Л. Ржевский сумел сохранить ту же объективную правдивость, избежав трафаретного, к сожалению, для безлари изображения немцев "эрнбурговскими Фрицами" и русских — поголовными ходульными страстотерпцами. Он бросает темные и светлые мазки па обе стороны, и в этом та же правда.

Глубоко драматичная для нас проблема сочетания "пораженчества" и любви к Родине автором не разрешена. Он коснулся ее лишь поверхностно, отдельными разорванными между собой мазками. Видимо, он и неставил разрешение ее своей целью. Быть может, он глубже кней полет в продолжении повести, возможность которого заставляет предполагать финал напечатанного, обещающего "неизвестное завтра".

В части языка Л. Ржевского можно упрекнуть в стремлении к неоправданной "новизне", толкающем его к вычурности и манерности. "Проголосанные пебесные обочины", "влизнулись" и т. п. не обогащают языка новыми образами, но затромождают и лишь осложняют его, не повышая художественной ценности эпитета.

Б. Ш.

Característica de los campos de concentración en la Unión Soviética del lado social y económico

(Continuación)

Cuando se preparan las listas de los presos para la entrega de la ropa, productos alimenticios o tabaco, siempre tienen la ventaja los “elementos socialmente cercanos” es decir los criminales, aunque ellos tienen la norma de producción de trabajo mucho inferior que los presos políticos. Los de la NKVD llaman ésto “el paso político”, porque para los fines de propaganda de ellos el criminal con 100 % del cumplimiento de normas de trabajo tiene más valor que el preso político con el cumplimiento de 125 % de normas. Los amos de los campos de concentración dicen: “Al criminal hay que alentar, si no mañana él da sólo 60 % de la norma del trabajo, mientras que el preso político trabajará igual”.

A los presos, diariamente repiten, que el campo de concentración es la escuela de trabajo y de la reeducación social, y que esto es el único camino para recobrar la libertad, y que el campo de concentración no es el castigo — es sólo la forma de aislar y corregir a los ciudadanos. “Cada preso” — dicen ellos — “debe ser orgulloso que trabaja, porque con eso refuerza y engrandece al bolcheviquismo-comunismo”. Cuando algún de los presos no tiene interés de ser “orgulloso” a él muestran la otra cara.

Para empleo de propagandistas tienen a los “educadores”. A estos últimos, la GPU escogía entre los presos más instruidos políticamente, sin tener en cuenta la causa por la cual el preso estaba en el campo de concentración. Más tarde, la NKVD cambió el sistema. Ellos designaban a los “educadores” o entre las personas libres o entre los presos criminales, los que no podrían decir, ni si quiere, dos palabras correctamen-

te. Estos “educadores” empleaban “la propaganda de hecho”. Es decir, en las reuniones después del trabajo preguntaban por cuál causa el fulano no ha cumplido con la norma del trabajo? Si la explicación no era satisfactoria llevaba al fulano ante del representante de la NKVD, y... el preso no apareció más.

En otras palabras — la función del “educador” en los campos de concentración no es cultural-educativa, como ellos suelen decir en su propaganda. Su función verdadera es servir como palo-alentador. Cuando es más útil el “educador” para el campo de concentración, tanto peor es él para los presos, porque siembra el odio y envidia entre los presos políticos y los criminales.

La exterminación lenta.

Los elementos para los campos de concentración se comparten de los presos que se encuentran en los cárceles de las ciudades. Como base para escoger estos presos, sirve no sus aptitudes físicas, pero sus aptitudes para soportar el transporte hasta el campo de concentración. Una vez que los presos están ya en el campo de concentración, una comisión médica, especialmente formada, procede clasificar a los presos según sus aptitudes físicas. Existen cuatro categorías. Primera — es la categoría de “caballos” (de la cual ya hemos hablado anteriormente). Segunda categoría — con aptitudes físicas reducidas; tercera — para los trabajos livianos dentro del mismo campo de concentración y la cuarta — de los inválidos, a la cual los presos bautizaron: “categoría de los que sólo pueden llevar su propia cabeza bajo el brazo”. (Continuará)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СВОБОДНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ И КНИЖНОГО ДЕЛА

В. Н. БОЕВ

Wsewolod Boyew,
4852 S. Ashland Ave.,
Chicago 9, Ill., U.S.A.

Требуйте каталоги книг, европейских и американских газет и журналов!

ДОКТОР

Т. В. БАРТОШ
специалист по общей хирургии,
гинекологии и урологии.

Хирург гастроэнтерологического
Института в Буэнос-Айресе
Прием от 15 ч. до 18 ч. ежедневно
кровью среды.

Calle MAURE 1563 — GOLF
Ближайшие автобусы: 29, 55, 60, 61,
164, 165, 201, 202, 215.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть I — Основные положения.
вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей “Нашей Страны” и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

Р О З Ы С К И

Разыскиваю БОРИСА С., рожд. 24.3.1927, бывшего в Италии у полковника Мединского. Знающих о нем что-либо прошу сообщить по адресу:

A. Deresa (A. G.),
18 Wright St.,
Adelaide, Australia

Разыскиваю УШАКОВА Стефана Ив., КРАСНОПОЛЬСКОГО Ал-дра Вл., КИТАЙСКОГО Мих. Мих., ГРИГОРОВА Николая Мартиновича, знающих о них что-либо прошу сообщить по адресу:

Mr. A. Grisans,
138 Farman Ave.,
Woodville, Australia

Инженер Г. С. КРОКОС разыскивает семью А. и В. КАНДИНЫХ и просит откликнуться по адресу:

J. Krokos,
Alto Rio Senguer
(Patagonia) Argentina

Никодим ЛЫННИК разыскивает Федора ДЫННИКА, проживающего в Аргентине. Писать в редакцию “Нашей Страны”.

Разыскивается НАСЕННИК Владислав, рожд. 1926 г., шоффер перед концом войны находился в Югославии. Просьба к знающим что-либо о его судьбе сообщить отцу:

G. Nassennik, Middlebury,
R. D., 3, Vermont, USA

Лиш. знающих что либо о судьбе б. потчиниста жандармерии Виктора Никоначевича ПЕРШЕНГВИЧА, очень просят сообщить по адресу:

M. Eriksson,
61 Vieille Chaussée,
Anvers, Belgique

“НАША СТРАНА” — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у переподавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

ВЫСТАВКА КАРТИН Н. ШЕХОНИНА

29 сего октября в галерее Мюллер (Флорида 946) открывается выставка картин нашего соотечественника Н. Шехонина.

Н. Шехонин выставляет свои работы (акварели) на темы как пускание, так и аргентинские, итальянские и венесианские.

Выставка открыта до 10 ноября.

В следующем номере:
ИВАН СОЛОНЕВИЧ

НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 2-я

“ДУХ НАРОДА”
(Продолжение)

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
и поступили в продажу

“ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ “НЕ
НАСТОЯЩЕГО” СОЦИАЛИЗМА”

Б. БАШИЛОВА.

Цена в Аргентине — 5 песо.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА
“НАШУ СТРАНУ”

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

N U E S T R O P A I S

Organo Monárquico Russo

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657
Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa
Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str.,
New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

Mr. G. N. Essaulloff, 67, Petman Ave.,
Toronto, Ont.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich,
Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, “Kama”,
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine,
Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. IRO Campo Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi,
Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker. 8 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane.

Mr. Domansky, 329, Catherine Street
Leichhardt, Sydney (N. S. W.)

Mr. A. Saracz, 181 Victoria Parade —
Fitzroy, Melbourne, Victoria.

Mr. P. Ostashkevich, Woodside Immigration, Centr. Camp., S. Australia.

На складе у всех представителей
“НАШЕЙ СТРАНЫ”

и в лучших русских книжных
магазинах во всех странах:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
“ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ”
Цена 2 ам. доллара

ИЗДАТЕЛЬСТВО

“НАША СТРАНА”

Буэнос-Айрес Аргентина

Иван Солоневич
ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ

Часть I.

Цена 2 ам. долл.

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть I.

Основные положения

Цена 1.50 ам. долл.

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ

Часть 2.

Дух народа

Заказы адресовать:
VSEVOLOD DUBROWSKY
“NUESTRO PAIS”
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires, Argentina

Imprenta “Dorrego”, Dorrego 1102 - Bs. Aires